

Андрей БОРОДИН

г. Петрозаводск

Вынужденная посадка

Насыщенный полетный день плавно и безвозвратно подходил к своему завершению. Наш маленький, но очень проворный вертолетик Ка-26, именуемый в авиационном просторечии «Кашка», «Кама» или «Камовский», благодаря конструкторскому таланту выдающегося авиаконструктора Николая Камова и летному мастерству командира экипажа Николая Тетерина на оптимальной крейсерской скорости приближался к месту постоянного базирования – аэродрому «Пески».

Возвращались мы этим погожим июльским днем в середине восьмидесятых годов прошлого столетия из прекрасных, но очень отдаленных уголков заповедного Пудожского края. По заявке геологов в эту чудесную озерно-лесную глухомань практически ежедневно вертолеты Петрозаводского авиаотряда доставляли служебных пассажиров и груз.

В целях безопасности возвращаться на аэродром желательно было не над бескрайними онежскими просторами, а хотя бы над обширным и изрезанным многочисленными озерами и заливами Заонежским полуостровом.

Метрах в двухстах под нами играли на солнце затейливой чешуйчатой рябью причудливо вытянутые, выражаясь местным языком, губы Онежского озера. Величаво проплывали обрывистые скалистые их берега, обрамленные неприхотливыми соснами и елями. Впечатляли своими строгими каменистыми узо-

рами узкие береговые отмели. Длинные и остроконечные, как лезвие карельского ножа вейчи, острова и полуострова словно вспарывали мягкое и податливое озерное чрево, оставляя по сторонам многочисленных каменистых мысков белые ключья встревоженной, но быстро успокаивающейся пены.

Погода была малооблачная, но довольно ветреная. На воде лениво прогуливались стада белых барашков. Белоснежные комковато-ватные облака время от времени заслоняли нас от ярких солнечных лучей. Ничто не предвещало особых затруднений заключительному этапу нашего воздушного путешествия.

Работу мы фактически завершили, но командир пока не давал диспетчеру аэропорта информации о возвращении на аэродром постоянного базирования. Формально мы еще продолжали работать в определенном квадрате, хотя уже и были на полпути к Петрозаводску.

Выполняя обычные и не очень обременительные служебные задачи бортмеханика, я привычно скользил взглядом по приборной доске, испытывая при этом понятное каждому «бортачу» внутреннее удовлетворение от замерших в нужном положении стрелок приборов контроля. Звучный, но довольно спокойный рокот двигателей с характерным для «Кашки» высоким тональным посвистом их вентиляторов, размеренный стрекот лопастей несущих винтов на-

ряду с проделанной в течение дня работой – около двух десятков взлетов и столько же посадок на болота, вырубки, просеки, опушки леса – действовали на нас несколько усыпляюще. В связи с этим, спасаясь дремоты, мы загружали переговорное устройство легким мужским трепом: о семьях, дачах, футболе, женской логике, инопланетном разуме, руководстве эскадрильей и страной; вспоминали всевозможные анекдоты и реальные случаи из авиационной жизни.

Остались позади сказочные виды Заонежского полуострова, мы подлетали к крохотной, в несколько домов, деревеньке Лукин Наволок, находящейся на окруженной почти со всех сторон водой узкой полосочке земли. Николай напомнил, чтобы я заранее заполнил необходимую техническую документацию. Это было некоторым отступлением от правил, но мы хотели распорядиться своим послеполетным служебным временем рационально и ускорить процедуру передачи вертолета техническому составу. И мне, и командиру нужно было побыстрее добраться домой. Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает... Конечно же, все вышло совсем не так, как мы планировали, и семьи наши, не дождавшись нас в этот вечер домой, были уверены, что заночевали мы где-нибудь в лесном поселке Пяльма или в маленьком городке Пудож. Но обо всем по порядку.

Используя заключенный в антивандальную дюралюминиевую обложку бортовой журнал в качестве жесткой подложки, я вносил в справку о работе матчасти данные о работе двигателей и систем вертолета. Даже дневной налет начал вписывать, хотя полет еще не был завершен. И вдруг ощутил мощнейший удар по нашей воздушной каракатице. «Камовский», как будто потеряв после этого удара всю свою почти семисотсилльную мощност, словно проваливается в какую-то огромную яму. Бортжурнал и лежащие на нем бумаги пускаются в свободный полет по кабине. К ним добавляется термос из нержавеющей стали с остатками чая, до этого мирно стоявший в нише между сиденьями пилота и бортмеханика.

Пытаясь поймать разлетевшиеся предметы, я одновременно стараюсь осознать, что все-таки происходит. Пристально вглядываясь в показания приборов, внимательнее прислушиваясь к работе двигателей, несущих винтов и не получив ответа на свои вопросы, я бросаю непонимающий взгляд на командира, но вижу, что ему в это время не до моих размышлений. Николай, моментально отреагировав на неожиданный удар по нашему суденышку, пытается перевести вертолет в устойчивый горизонтальный полет. Несмотря на его усилия, высота стремительно падает, нас продолжает трясти и мутузить какая-то непонятная сила.

Обнадеживает лишь одно: двигатели гудят, а лопасти отбивают свой обычный ритм, как всегда жестко-трескучий, но такой приятный в этот не особенно комфортный для нас момент.

От начала чрезвычайной ситуации до ее завершения прошло, вероятно, не более двух десятков секунд, но и они растянулись в моей памяти длинным рядом разрозненных эпизодов, склеенных осознанием необходимости что-то делать для спасения и себя, и коллеги по экипажу, и вертолета. Но здесь уже все зависело не от меня, а от командира, – только он мог не дать вертолету ни столкнуться с водой, ни развалиться в воздухе.

И Николай справился с этой задачей: отработанными до автоматизма действиями он буквально вытащил вертолет из практически безвыходного положения и, когда до воды оставалось каких-то двадцать метров, перевел его в устойчивый набор высоты.

– Надо бы подсесть, осмотреться – все ли в порядке с матчастью, – подсевшим от пережитого стресса голосом попросил я командира, когда мы легли на прежний курс. Без лишних обсуждений мы сделали круг над полуостровом с неприкаянно стоящими на нем невзрачными домишками, а потом, ориентируясь на белые водные буруны, зашли против ветра на посадку, и Николай мастерски приземлил «Кашку» на небольшом, свободном от деревьев мыске на самом берегу Чеболакшской губы Онежского озера.

Я молча присел на мокрый от брызг камень. От невеселых раздумий меня отвлек спокойный голос командира:

– Через высотников дам посадку в квадрате, а ты пока осмотри матчасть повнимательней, если все в норме – полетим дальше, если нет – сообщим о вынужденной.

С надеждой на благоприятный исход затянувшегося рабочего дня осматривал наиболее ответственные элементы вертолета – двигатели, колонку несущих винтов, лопасти, а Николай сообщил диспетчеру о посадке, а потом расслабленно и незлобиво подтрунивал надо мной, вспоминая, как я ловил разлетающуюся по кабине вертолетную канцелярию.

– Сыночки, у вас здесь сломалось, что ли, или что? – неожиданно прозвучало невдалеке, и мы увидели метрах в двадцати от вертолета сухонькую старушку в теплом, домашней вязки жакете и аккуратно повязанном ситцевом платочке.

– Да нет, бабушка, все в порядке, по работе мы здесь, – с изрядной долей неопределенности ответил Николай.

– Может, вы опристали от вашей работы, так приходите ко мне, домик-то мой тут недалече,

посидите, отдохнете, молочка попьете, ушишки вам налью, приходите, не побрезгуйте.

– Хорошо, бабушка, сейчас вот дело закончим и подойдем, – принял волевое командирское решение Николай, а я в надежде снять остатки стресса кружечкой настоящего деревенского молочка уже высматривал, где находится бабулино жилище.

Минут через пятнадцать, убедившись, что чрезвычайная ситуация не привела к повреждению основных силовых элементов вертолета, мы входили в маленький, обдуваемый всеми онежскими ветрами уютный домик. Несмотря на кажущуюся внешнюю миниатюрность, внутри довольно просторной кухни мы увидели настоящую русскую печь, большой деревянный, покрытый чистой льняной скатертью стол с медным самоваром посередине, деревянные, заправленные домоткаными накидками лавки, самодельный старинный с фигурной резьбой буфет, наполненный посудой. Через распахнутые створки покрашенных белой эмалью филенчатых дверей виднелось скромное убранство комнаты: металлическая кровать с пирамидкой пышных подушек, покрытых узорчатой тюлевой накидкой, массивный комод со стоящим на нем аккумуляторным радиоприемником «Рекорд», высокий, почти под потолок, шифоньер с большим зеркалом между дверками, отретушированные в темных рамках фотопортреты, занимающие всю свободную площадь в простенках между маленькими окошками.

Все в доме лежало, стояло, висело на местах, определенных, вероятно, не только желанием и опытом деревенского обитания нескольких поколений жильцов, но и временем, которое, как известно, всегда все расставляет по нужным полочкам. Пространство кухни и горницы, а также нехитрое их наполнение: и кухонная утварь, и раритетная мебель, и предметы украшения – все эти половички, занавесочки, скатерочки, накидочки, рюшечки – дышали стерильной чистотой и поражали каким-то особенным простодушным деревенским уютom, натуральностью, внешней неброскостью, но внутренней практичностью и функциональностью. И самое главное – в доме стоял приятный теплый жилой дух, настоявшийся, видно, на простых деревенских яствах: хлебе домашней выпечки, рыбе, картошке и на целебном окрестном разнотравье, душистые снопики которого сушились возле рафинадно побеленной русской печки.

– Мир вашему дому, бабушка, здравствуйте еще раз, – почти одновременно выдохнули мы, пораженные такой откровенной деревенской самобытностью и естественностью, – как же вас звать-величать-то?

– Анной меня нарекли когда-то, а сейчас все ба-

бой Нюрой кличут. Ах, жалко, что не затевала я седни стряпню, а так бы калитками да рыбничком угостила б вас... Сей раз только уха у меня приспела со щуки, хлебушек есть, самой испеченный, да с ним молоко утрешнее, холодненькое... Чай еще на травках наших заваренный попейте...

Баба Нюра гостеприимно хлопотала у стола, разливая по тарелкам настоявшуюся в печи уху, нарезаая домашней выпечки хлеб. Украсив хлебницу ароматными ноздреватыми ломтями, проворно выбежала в сени и принесла запотевший кувшин с молоком. При этом она спокойным приятным деревенским говорком делилась с нами пережитыми недавно впечатлениями:

– А вас-то как зовут, касатики вы мои залетные? Николай и Андрей, говорите. Хорошие имена, богоугодные, спаси вас Господь и сохрани! Я ведь как вашу летательну машину близехонько над озером увидела, так и обмерла сразу – думаю: падет она щас прям в воду, что я тогда с этим затею? Ведь до телефона почитай верст с десяток будет! А в деревне-то нашей уже годков пять как никто не живет, одна я здесь обитаю! Но потом вижу – оклемалась ваша птичка помаленьку, заверехтела бойчее, закружилась над загубьем да на бережок и плюхнулась. Побежала я враз к побережью, одно только думаю – все ли там у них сладилось? А вас увидела, так от сердца и отлегло – живые ребята и здоровые! Слава те, Господи!

– Да, баба Нюра, сами мы не думали и не гадали, что у вас в гостях сегодня окажемся... А раньше пролетали мы над вашей деревенькой часто... А такой вот вопрос, баба Нюра, кто рыбку-то вам привозит, какие-то бригады, может, рыболовецкие или соседи с родственниками? – отхлебывая уху и с удовольствием разбирая на составные части щучью голову, спросил Николай.

– Сама я себе рыболовна бригада здесь. За осмой десяток вот перевалила, а сеточки-то на лодке самолично ставлю и похожаю их сама. А что тут мудреного? Муж покойный меня этому делу обучил, царствие ему небесное! Сынова же мои в город уехали, на большом заводе работают, уважаемые там люди... Не забывают меня... Внуки с правнуками летом гостят, а сей год на море их решили свозить... Вот я пока и одна... А меня сынова как-то забрать насовсем к себе в город хотели, да я не далась. Как-никак хозяйство здесь у меня: коровка, козочки, куры – куда я от них на старости лет? Вы мне, говорю, только с сеном подмогните да с дровами, заготовьте летом, а я уж сама здесь перезимую. А соседи-то, конечно, заходят оногдась на беседу, чаевничаем мы... Да только в Чеболакше все они живут, не ближний свет для гостеваний...

– Баба Нюра, а знали вы, что в Чеболакше писатель Дмитрий Балашов жил? – вставил в разговор и я свои пять филологических копеек.

– Так кто ж его не знал! Хозяйственный Михалыч был мужик, домовитый, всю деревенскую работу мог сноровить: и с лошадьми управлялся, и пахать мог, и сеять, и сети рыболовные вязать... Скотину держал, сено сам косил, в огороде справлялся... Нравилась ему красота наша, помогала книжки хорошие сочинять... Да не повезло ему – сгорел его дом со всем хозяйством, а потому съехал он отселе на Новгородску землю, дай-то бог ему здоровья и многих лет жизни... – Баба Нюра замолчала, как бы готовясь к новому этапу повествования о своей не совсем обычной для нас затворнической жизни, но Николай показал на часы, и мы стали прощаться, благодаря старушку и за теплый радушный прием, и за уху, и за молочко, а больше всего – за доброе и искреннее к нам отношение.

– Так вы еще прилетайте ко мне сюда, робяты, с ночевкой. Я сама вас и на рыбалку свожу, и калиток напеку, и сканцев с манной кашей, и рыбников. Прилетайте, как возможность сложится, – провожая до вертолета, убеждала нас баба Нюра, и так хотелось пообещать ей наверняка, что обязательно мы к ней прилетим, но, чтобы быть честными и перед самими собой, и перед этой простой русской женщиной, пришлось нам в ответ ограничиться неопределенными обещаниями, что, мол, если получится по работе, то, конечно же, постараемся...

Благополучно взлетев над затихающим к вечеру озером, мы сделали круг над одиноко стоящей на каменистом мысу фигуркой в белом ситцевом платочке. Я сдвинул дверной блистер и помахал

бабе Нюре рукой, подумав, что обязательно надо будет приехать к ней в гости, привезти каких-либо гостинцев, порыбачить, послушать ее бесхитростные рассказы о простой и такой светлой жизни. Николай потом сказал, что думал он в тот момент примерно об этом же...

Без особых приключений преодолев остаток пути до Петрозаводска, уже никуда не спеша и внутренне будто осознав ненужность какой-либо спешки и суетливости в этой жизни, мы намеренно неторопливо завершили все необходимые послеполетные процедуры. В диспетчерской службе, на метеостанции, выслушав нашу не особенно раскрашенную эмоциями версию случившегося, сказали, что, вероятнее всего, постигло нас в этом полете опасное природное явление, именуемое в авиационной метеорологии сдвигом ветра.

Скорее всего, так оно и было. Метеообстановка этому способствовала, как, впрочем, и тому, что встретили мы благодаря этому самому сдвигу ветра на своем жизненном пути удивительно-го, доброго, отзывчивого и интересного человека – бабу Нюру, с которой, к глубокому нашему сожалению, увидеться нам больше не удалось...

□

Андрей Валентинович БОРОДИН

родился в 1958 г. в п. Славной Пряжинского района Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет,

Северо-Западную академию государственной службы,

Высшие курсы КГБ СССР в Минске.

Работал в Петрозаводском объединенном авиаотряде.

Проходил службу в органах КГБ СССР – ФСБ России.

В настоящее время – советник главы Республики Карелия.

В журнале «Север» публикуется впервые.

